

Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Part 2¹

© Ткаченко А.А.^{a,b}, Ткаченко К.А.^{a,c}, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko @inafr.ru

^c ORCID: 0000-0002-5307-8263; konst86@gmail.com

Резюме. Арабский Восток, включая страны Северной Африки – Арабский Магриб и Египет, в последние десятилетия, главным образом в 2000-е гг., претерпевают существенные, качественные изменения.

В странах Арабского Востока с середины XX в. ускорилось промышленное развитие, доминирующие позиции в экономике занял государственный сектор, в целом возросло государственное регулирование хозяйственной жизни. Усилилось влияние государства на все ключевые сферы общественно-политической жизни – формирование соответствующих структур и институтов трех ветвей власти, культуру, включая систему образования и науки, здравоохранение и т.д.

Процессы обновления, трансформации получили дополнительный импульс в результате беспрецедентных политических потрясений, произошедших в регионе на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., ускорения глобализации, включая формирование единого мирового информационного пространства, цифровизации.

Статья посвящена, главным образом, анализу основных факторов, влияющих на формирование нового социального облика государств Северной Африки.

Ключевые слова: Северная Африка, глобализация, модернизация, технологический переход, социальный транзит, социальные общности, нации, этносы, конфессии

Для цитирования: Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 56–64. DOI: 10.31857/S032150750025684-4

North African Countries in XXI Century: The Processes of Formation of a New Social Appearance. Part 2

© Alexander A. Tkachenko^{a,b}, Konstantin A. Tkachenko^{a,c}, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

^b ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko @inafr.ru

^c ORCID ID: 0000-0002-5307-8263; konst86@gmail.com

Abstract. The countries of North Africa, which are currently at different stages of social transit, have been undergoing significant, qualitative changes in recent decades, mainly in the 2000s.

The evolution of the social image of the Arab States has become one of the most important consequences of the ongoing large-scale transformations in this region and, more broadly, in the globalized world. Geopolitical and geoeconomic parameters/features of the object of the study - the North African countries with their hundreds of tribes and clans predetermine significant differences in the nature and dynamics of transformation and development of selected states. This is due to significant differences in historical-cultural development, ethnic and confessional composition within a large group of countries, and their population. This group includes numerous states that differ in natural and geographic environment and have a rich historic background with its particular case in each country.

Today there exists a rather mixed picture of positions that selected countries of the region hold in the “world ranking” of the level and dynamics of economic development, quality of human capital, scale of poverty, framework conditions for investment, demographic factor, urbanization, environmental protection, etc. All of this directly affects implementation of renovation/modernization concept - the key mega trend of social development of the region in recent decades. On the whole, for the past 50 years the shifts have been limited (but anyone could say that this is just the beginning).

¹ О к о н ч а н и е . Начало см.: *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 43–50. DOI: 10.31857/S032150750022931-6.

This article is devoted mainly to the analysis of the factors influencing the formation of a new social image of the North African countries.

Keywords: North Africa, globalization, modernizaion, technological conversion, social transit, social communities, nations, ethnoses, confessions

For citation: Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. North African Countries in XXI Century: The Processes of Formation of a New Social Appearance. Part 2. *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 56–64. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750025684-4

ВВЕДЕНИЕ

Инвестиционный процесс – один из основных факторов, влияющих на формирование современного социального облика стран Северной Африки. Изменения в отраслевой структуре национальных экономик и, как следствие, формирование условий, необходимых для динамичного и устойчивого развития стран Северной Африки, тесно связаны с инвестиционным процессом [1, с. 56–85; 2, с. 5–7, 11–39, 40–57].

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В СВЕТЕ ВЫЗОВОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: «ЗЕЛЕНый СВЕТ» ИЛИ ТОРМОЖЕНИЕ

В этой связи важно рассмотреть, каково положение в такой области, как инвестиции – внешние и национальные, обеспечивающие экономический рост, в целом хозяйственное развитие, решение острых социально-экономических проблем. Представление об этом дает *табл. 1*.

Таблица 1. Рейтинг стран Северной Африки по уровню ПИИ и свободе ведения бизнеса (2017–2018)
Table 1. Volume of FDI, investment freedom index (0–100), country rankings in North Africa (2017–2018)

Страна	Объем ПИИ,		Рейтинг	Доля национальных накоплений/ инвестиций в ВВП, 2017 г., %	Рейтинг, свобода ведения бизнеса	
	2018 г., \$ млрд	Всего к 2018 г., \$ млрд			Место	Рейтинг*
Алжир	1,201	25,7	84	35,5	150	30
Египет	7,391	94,5	38	9,5	68	65
Мавритания	0,588	...	107	24,8	126	50
Марокко	2,680	51,7	62	29,5	72	65
Судан	1,065	...	90	9,4	172	5
Тунис	0,810	37,3	99	9,4	136	45
Джибути	0,165	1,8	142	...	81	60

* Рейтинг определялся по 175 странам.

Составлено по: The World Bank: Foreign Direct Investment 2018; World Development Indicators. Economy. 4.11; The World Factbook. 2021. cia.gov/the_world_factbook/economy/ (accessed 04.08.2022); Investment freedom index. 2022. P. 4. https://theglobaleconomy.com/rankings/herit_investment_freedom/ (accessed 08.06.2022)

Анализ показателей, характеризующих отдельные аспекты положения с иностранными и местными, национальными инвестициями, позволяет прийти к следующим выводам:

– Относительно узкий круг государств региона СА – 7 из общего числа в 23 страны – привлек инвестиции из-за рубежа в ощутимом, по меркам региона, объеме (свыше \$1 млрд), причем только 2 из них – Египет, Марокко – смогли приблизиться к планке \$2,5–3 млрд или превзойти её.

– Сложившаяся картина дополнена таким важным показателем, как инвестиционный рейтинг каждой из представленных в таблице стран Северной Африки. Они в основном невысокие или весьма низкие. Лишь Египет и Марокко располагаются среди стран мира в середине списка по степени свободы ведения бизнеса. При этом только Египет обладает относительно более развитой и диверсифицированной отраслевой структурой экономики, что является необходимым условием формирования стабильно и динамично развивающейся экономики, позволяющей удовлетворительно решать накопившиеся за де-

сятилетия (с середины XX в.) социальные проблемы. Среди них – становление национального предпринимательства (основы формирующихся более современной экономики и гражданского общества) в сочетании с сокращением масштабов безработицы, преодолением социальных болезней – тотальной коррупции, разбалансированной социально-экономической структуры общества и т.п.

– Обращает на себя внимание ситуация в таких странах, как Алжир и Тунис, располагающих ресурсами, вполне достаточными для «рывка» в группу стран мира с устойчиво и динамично развивающейся экономикой.

– Привлекает внимание ситуация с иностранными инвестициями в Тунисе. Эта страна на рубеже XX и XXI вв. рассматривалась экспертами как наиболее вероятный претендент на вхождение в группу «ближневосточных тигров» (по аналогии с известной четверкой «азиатских тигров»). Однако пока взлет Туниса не состоялся. Под напором «арабской весны» – «жасминовой революции» – рухнул в одночасье режим диктаторского стиля правления и деградации общественной атмосферы в этой мусульманской полуевропейской арабской стране. Тунис на крутом повороте истории остался без надежных «ветрил и рулей» – не нашлось той общественно-политической силы, которая могла бы надежно принять на себя ответственность за руководство давно назревшими сложнейшими преобразованиями, преодоление вызовов XXI в.

Подобная ситуация сложилась после первой волны «арабской весны» и в Египте, Ливии. Этим во многом объясняется слабость инвестиционного поля – скромные объемы притока внешних капиталов, низкая доля внутренних накоплений. Тунис в этих условиях полагается на обещанную и уже предоставленную крупную помощь со стороны ЕС, международных финансовых организаций. Но одной внешней помощью не обойтись, безальтернативно собственное участие тунисского общества, вызревающих структур гражданского общества – той почвы, на которой может произойти перелом ситуации к стабильному прогрессу.

Ключевым показателем общественного прогресса, достигнутого в каждой из рассматриваемых стран, является уровень подушевого дохода – одного из наиболее важных аспектов рассматриваемой темы, о чем свидетельствуют данные *табл. 2*.

Таблица 2. Рейтинг стран Северной Африки по объему ВВП на душу населения в 2020 г.
Table 2. Ranking North Africa countries by volume of GDP and by GDP per capita (2020)

Страна	Объем ВВП (по ППС), \$ млрд	Рейтинг по объему ВВП	ВВП на душу населения (по ППС), \$ тыс.	Рейтинг по объему ВВП на душу населения
Алжир	468,4	42	15,0	109
Джибути	5,4	174	3,4	185
Египет	1223	20	12,6	124
Ливия	70,6	101	9,6	141
Мавритания	23,2	147	4,5	173
Марокко	259,4	60	8,6	147
Судан	176,4	71	4,3	174
Тунис	115,0	82	11,9	131

Составлено по: The World Bank. Gross National Income per Capita 2019. <https://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info> (accessed 01.07.2022); The World Factbook 2021; <https://theworldonly.org/gni-per-capita-atlas-method-current-us/> (accessed 13.07.2017)

Большинство стран Арабского Магриба – Алжир, Марокко, Тунис, Ливия, а также Египет образуют группу, относящуюся к государствам с относительно невысоким по мировым, но средним по всей совокупности развивающихся стран душевым ВВП (ДВВП). В каждой из них он находится в пределах \$9–15 тыс. Лишь 2 страны – Судан и Мавритания, относящиеся к географическому району Северной Африки, имеют низкий уровень ДВВП (от \$2 тыс. примерно до \$4 тыс.). Для сравнения: в других странах региона Северной Африки – Эфиопии, Эритрее, Сомали и Джибути – данный показатель критически низкий, хотя в Эфиопии и Джибути он имеет на протяжении 2000-х гг. более или менее устойчивую тенденцию к росту.

Наряду с достигнутым уровнем ВВП, его динамика, представленная в *табл. 3*, среди всей суммы факторов наиболее существенным образом влияет на эволюцию социального облика стран региона, т.к. они в основном определяют сложившееся материальное положение и, соответственно, возможности развития личности на ближайшую и видимую перспективу.

Таблица 3. Динамика ВВП в странах Северной Африке в 2000–2020 гг., %
Table 3. Growth of GDP in North Africa (2000–2020), %

Страна	Среднегодовые темпы роста ВВП, %	
	2000–2010 гг.	2010–2020 гг.
Алжир	3,9	2,3
Египет	5,1	3,8
Мавритания	4,8	4,1
Марокко	4,9	2,9
Ливия	5,5	-1,5
Судан	4,9	-0,7
Тунис	4,5	1,3

Источник: World Bank. World Development Indicators 2022. <https://www.wdi.worldbank.org/table/4.1> (accessed 19.07.2022)

Следует подчеркнуть качественную сторону происходящей эволюции: отмеченный рост данного показателя произошел вследствие многогранного развития национальных экономик, главным образом прогресса в модернизации отраслевой структуры в совокупности с другими факторами – развитием национальной науки и культуры (системы образования всех ступеней и форм, СМИ, различных видов искусств, научных центров), обновлением политической жизни и т.д. Важнейшие среди них – рост жизненного уровня, сглаживание ряда характерных черт такого социального недуга, как нищета, вопиющая бедность и др.

Однако наряду с ними действуют и контрфакторы, особенности в странах с жестким авторитарным характером власти, и, как следствие, низкой или неадекватной вызовам времени степени её ответственности и транспарентности. Характерные черты последней – сочетание низкой или невысокой эффективности управления на различных уровнях власти. Отмечаются консервация или даже разрастание масштабов социальных болезней, сохраняющаяся тенденция безграничной концентрации власти, разномасштабные непреодоленные конфликты, неконтролируемый рост миграционных потоков и др.

В итоге общество, государства получают некий социальный «продукт» скорее цивилизационной **трансформации**, а не развития (*выделено авторами*), обладающий весьма противоречивыми, контрастирующими друг с другом характерными чертами: численный рост дипломированной молодежи, с одной стороны, и, с другой, беспрецедентно высокий уровень безработицы среди них; тотальная коррупция, с одной стороны, и с другой – многопартийная система и осуждающие её «карманный» характер многочисленных СМИ; растущий численно слой вполне материально обеспеченных граждан и беспрецедентные социальные контрасты, обогащение плодящейся «бюрократической буржуазии» и т.д. Перечень примеров оксюморона можно продолжить.

Существенным преимуществом первой группы, особенно Египта, Алжира, а также (с некоторыми оговорками) Марокко, является весомый объем совокупного ВВП. Он открывает возможность реализовать задачу общенационального значения – поддерживать инвестиционный процесс в стратегически важных сферах/отраслях крупными инвестициями из местных государственных и частных источников, а также формировать более привлекательный инвестиционный имидж страны [2, с. 5–7, 11–39, 40–57; 3, с. 44–50]. Без этого невозможно формирование современной саморазвивающейся национальной экономики и, соответственно, современного общества с социальным «наполнением» – общественными стратами, современными социальными институтами, политическими партиями, государственными структурами и т.д., реально более или менее эффективно работающими.

Именно в этих условиях вызревают, хотя и по-разному, такие адекватные ему социальные субъекты, как крупный бизнес, наиболее массовое среднее и малое предпринимательство – один из «локомоти-

вов» экономического развития – с присущими им хозяйственными, политическими, социальными институтами, правовыми нормами и соответствующими им структурами, и в конечном счете появляются и постепенно укореняются элементы, основы гражданского общества.

Такой непростой и противоречивый процесс, происходивший на рубеже XIX–XX вв. в странах ныне развитой демократии на протяжении нескольких (3–5) поколений, во второй половине XX в. при существенно более благоприятных условиях завершался на протяжении уже 1–2 поколений, в частности, в странах Юго-Восточной Азии (в группе «азиатских тигров»).

ПРОТИВОРЕЧИЯ ИЛИ (И) ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Очевидно то, что в странах Северной Африки и шире – Ближнего Востока – цивилизационный прогресс идет, но при этом весьма неровно – на одних направлениях более динамично, чем на других, со многими локальными/страновыми особенностями. Одной из них, наиболее существенной, является то, что вызревание современного социума опережает экономический прогресс и вместе с тем обгоняет обновление политического поля. В результате формируются довольно острые социально-политические коллизии: возрастает конфликт между политической культурой элит, в особенности молодежной её части, и степенью зрелости политических институтов и политико-государственной практики.

Индекс развития человеческого потенциала, рейтинг стран региона по данному показателю прямо указывают на образовавшийся разрыв между уровнем социально-экономического развития и возросшим, опережающим его уровнем культуры со всеми вытекающими из этого последствиями. На эти последствия точно указывают и волны «арабской весны», длительные периоды внутривнутриполитической нестабильности, проявившиеся в текущие десятилетия с беспрецедентной в истории этих стран силой.

Представление об этом дают данные по ИРЧП (*The Human Development Index*) – интегрального показателя, суммирующего, по сути, важнейшие итоги развития экономики, социальной и политической сфер². Средневзвешенный индекс развития человеческого потенциала по промышленно развитым странам составил 0,8. По странам Северной Африки немногим более полувека назад этот показатель соответствовал величинам в 0,4–0,5. В начале третьего десятилетия XXI в. он вырос до 0,665.

Это свидетельствует о некотором прогрессе в развитии «человеческого потенциала» в странах этого региона. О перспективах его дальнейшего роста говорят нынешние величины ИРЧП в отдельных капиталоизбыточных государствах с высоким уровнем дохода на душу населения (Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, ОАЭ). В них он даже несколько превышает средневзвешенный индекс развития человеческого потенциала по промышленно развитым странам, что дает основания и аргументы для оценки перспектив прогресса в эволюции социального облика формирующейся четверки «арабских тигров».

Отмечается активный рост предпринимательства в традиционных отраслях – в торговле, сельском хозяйстве и фабричной промышленности, а также в современных – нефтегазовой, нефтехимии, банковской сфере и индустрии туризма, строительстве и операциях с недвижимостью, интернет-экономике, цифровых коммуникациях, медицине. Эти процессы опираются на развитие образования всех уровней, научно-исследовательских центров, работающих на реальную экономику, – «станового хребта» устойчивой, саморазвивающейся инновационной экономики [4]. Показателями, дающими представление о динамике этих процессов, служат доля расходов на образование и число патентов³, зарегистрированных в рассматриваемых странах, а также рост числа высших учебных заведений, научно-исследовательских центров [3].

В группу стран с наиболее высокой долей расходов на образование входят Тунис, Алжир, Египет, Марокко. Этот показатель в названных странах даже превышает мировой уровень в 3,9% и свидетельствует о характере, векторе развития в рамках общемирового цивилизационного прогресса. Низкие показатели в Судане и Ливии – следствие торможения из-за продолжительного вооруженного гражданского противостояния, системного кризиса, переживаемого этими странами на протяжении десятилетий. Одним из самых слабых мест во всем цивилизационном развитии рассматриваемых стран пока остается формирование национальных систем научных исследований. Тем не менее данные о количестве за-

² World Population Review. Developed Countries List. UN. NY. 2021.

³ World Development Indicators. 2022. NY. UN. Education Expenditures 4.2; The World Factbook. World Bank. 2020. Patent applications. <https://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD/> (accessed 07.06.2021)

регистрированных патентов указывают на определенный прогресс в этой одной из наиболее значимых социально-экономических сфер.

Сопоставление числа зарегистрированных патентов с данными других государств показывает степень разрыва. Для сравнения: во Франции в 2020 г. был зарегистрирован 12 771 патент, в Германии – 42 260, в Японии – 327 248, в Южной Корее – 180 477, в России – 23 759. Однако то обстоятельство, что в ряде стран (2020 г.) их немалое число: в Египте – 978, Ираке – 635, Марокко – 250, Алжире – 163, Тунисе – 180, вкупе с высокими показателями расходов на образование, ростом в последние десятилетия числа университетов, научно-исследовательских центров и, следовательно, высококвалифицированного персонала, занятого в них, дает положительную перспективу формирования научно-технического потенциала и соответствующего социального слоя. Данная оценка находит свое подтверждение и в динамике роста грамотности населения в североафриканских странах⁴.

Показатели доли расходов на здравоохранение, прежде всего на санитарную, и средней продолжительности жизни в рассматриваемых странах в известной мере суммируют, отражают степень цивилизационного прогресса, прежде всего экономического развития, роста ДВП, диверсификации национальных экономик. В немалом числе стран растущее число обеспеченных жителей из самых разных социальных слоев и групп могут себе позволить поднять долю расходов на социальные нужды – на образование, медицину и т.д., следствием чего является заметное увеличение средней продолжительности жизни (см. табл. 4).

Таблица 4. Доля расходов на здравоохранение и средняя продолжительность жизни в странах Северной Африки в конце второго десятилетия XXI в.

Table 4. North African countries' ranking by health spending (percent of GDP, average life expectancy), 2019

Страна	Рейтинг стран по уровню расходов на здравоохранение в 2019 г.*	Доля расходов на здравоохранение в ВВП в 2019 г., %	Средняя продолжительность жизни, 2019 г. Рейтинг	Средняя продолжительность жизни, 2019 г., кол-во лет
Алжир	91	6,24	63	70,88
Египет	126	4,74	116	71,99
Ливия	109	72,91
Мавритания	164	3,30	204	65,22
Марокко	114	5,31	68	76,68
Судан	130	4,57	193	67,12
Тунис	74	6,96	66	76,70

* Данные за 2019 г. по 181 стране мира. Средний показатель доли расходов на здравоохранение по всем странам равнялся 6,52. Средняя продолжительность жизни по 190 странам (2019 г.) составила 72,86 лет.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Чтобы точнее представить себе произошедшие в последние десятилетия изменения в социальном облике стран региона Северной Африки, обратимся к соответствующим данным, их динамике по региону и, для сравнения, по Африке в целом.

Общая численность экономически активного населения континента за период 1980–2000 гг. выросла в 1,8 раза, его доля в африканском населении составила около 40%. Следует отметить медленную динамику изменения отраслевой занятости населения в этот период: в сельском хозяйстве было занято более 2/3 экономически активного населения, в промышленности – около 10%, причем половина из них работала на предприятиях обрабатывающей промышленности, в сфере услуг – примерно четверть всей численности занятых.

Северная Африка отличалась самой низкой долей экономически активного населения среди регионов континента – около 25%. В отдельных странах этот показатель был существенно ниже ввиду того,

⁴ UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. <https://countrymeters.info/> (accessed 18.08.2022)

что большинство женщин трудилось в собственном домашнем хозяйстве и в официальной статистике занятости не учитывалось, в частности, в Египте и Ливии.

Во второй половине XX в. под влиянием процессов урбанизации и промышленного развития, оттока сельского населения в города доля занятых сельским трудом несколько сократилась, соответственно начал расти удельный вес занятых в промышленности и сфере услуг. Рост национального частного предпринимательства во всех сферах экономики рассматриваемых стран, появление и развитие современных отраслей своим следствием имели почти удвоение за два последних десятилетия XX в. численности работающих по найму – примерно до 56 млн, что соответствует пятой части всего экономически активного населения.

К началу третьего десятилетия XXI в. численность работающих по найму в странах Северной Африки увеличилась до 40% самодеятельного населения. Около 25–30% всех занятых по найму приходилась на сельское хозяйство. До 40–45% трудилось по найму в сфере услуг, главным образом в малом бизнесе, 25–30% – в строительстве, промышленности и на транспорте.

В сельском хозяйстве численно преобладают мелкие и средние землевладельцы (до 90%), владеющие в разных странах от 30 до 50% и более всей обрабатываемой земли. Связи с рынком в разном формате и в разных масштабах усиливаются, растет доля производимой в этом секторе товарной продукции. В текущем столетии продолжался процесс концентрации земельной собственности. Постепенно росло применение удобрений, инсектицидов, других материалов и более современных орудий труда, доступ к которым частично обеспечивался через сельскохозяйственные снабженческо-сбытовые кооперативы. Средние и крупные земельные собственники переходили на предпринимательский тип ведения хозяйства с использованием более современных агротехнических приемов, наемной рабочей силы.

Растущее предпринимательство всё более опирается на современные рыночные формы хозяйствования, на, хотя всё еще относительно редкие, но численно растущие научно-исследовательские структуры сельскохозяйственного профиля – центры и институты, специалистов.

В рассматриваемый период происходит «вымывание» слоя мелких и мельчайших хозяйств, которые не в состоянии конкурировать с сегментом современных предпринимательских хозяйств, агропромышленных комплексов. Вместе с тем растущее численно предпринимательство всё еще тяготеет к вложению капиталов в торговлю, недвижимость, сферу услуг, а не в промышленное или сельскохозяйственное производство.

По данным Всемирного банка, госсектор сохраняет ключевые позиции в экономике, хотя разброс по странам его доли в ВВП значителен – от 40 до 70% и более. Соответственно, это влияло на численный рост т.н. бюрократической буржуазии. С учетом того, что в госсекторе и смешанном секторе существенно преобладали крупные и средние компании и фирмы с соответствующими объемами производства, доля занятых в них в структуре самодеятельного населения была кратно меньше доли производимого в них ВВП, а именно, 10–15% по разным странам (см. *табл. 3*, статья первая).

В целом на сегмент малых и средних хозяйств в начале 2000-х гг. в отдельных странах приходилось от 10–15% до 20–30% производимого ВВП. Спустя два десятилетия, несмотря на численный рост мелких и средних хозяйств в 2–3 раза, кардинально картина не изменилась при устойчивой тенденции, с одной стороны, к росту объемов производства в этом сегменте экономики и, с другой – к сокращению его доли в ВВП.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПОСЛЕДСТВИЯ ДИНАМИКИ И ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК

Переписи населения стран региона показывают стойкую религиозную приверженность исламу.

Религиозный состав населения Туниса в начале третьего десятилетия XXI в. таков: 99,6% – исповедуют ислам, 0,2% – христиане, 0,2% – атеисты и «нерелигиозные»⁵.

В Египте на рубеже второго и третьего десятилетия 94,5% – исповедуют ислам, 5,5% – христиане (копты и др.)⁶. В Алжире, Ливии и Марокко картина примерно та же⁷. Однако степень и характер при-

⁵ UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. Tunisia. https://countrymeters.info/ru/Tunisia#age_structure (accessed 23.07.22)

⁶ UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. Morocco. <https://countrymeters.info/ru/Morocco/> (accessed 18.08.2022). <http://www.hyno.ru/tom4/1140.html> (accessed 15.09.2022)

верженности существенно меняются. Крайние формы радикализма переживают кризис, чему немало свидетельств, ширится ареал умеренного ислама. Сказываются, в частности, рост грамотности во всех странах региона (в Египте грамотность среди взрослого населения заметно возросла и достигла 75%, среди молодежи превысила 95%⁸), формирование единого информационного поля, миграционные процессы, взаимное проникновение, взаимовлияние культур и цивилизаций, происходящая глобализация и близкие к ним факторы.

Но при этом усилился радикализм, переходящий в экстремизм, сравнительно немногочисленных, но исключительно активных групп, деятельность которых к тому же приобретает транснациональный характер. Всё это оказывает влияние на феномен новейшего времени – политический ислам, который всё более приобретает латентный, транснациональный, мерцающий/пульсирующий характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные в статье статистические данные за последние 2–3 десятилетия, анализ тенденций социально-экономического развития и в целом хода цивилизационного прогресса в рассматриваемых странах дают основания и аргументы для оценки характера и динамики происходящих и прогнозируемых социальных сдвигов, которые на этапе транзита переживают страны региона.

То обстоятельство, что мир, включая исследуемый регион Северной Африки, вступил в полосу своего исторического развития, которая отличается беспрецедентно высокой степенью неопределенности, никоим образом не обесценивает такие оценки и суждения. Ключевые среди них следующие:

– традиционные слои общества претерпели значительные количественные изменения на протяжении рассматриваемого периода – несколько десятилетий – жизни одного поколения. При этом они претерпевают качественные изменения, определяемые не только происходящей сменой технологического способа производства, отраслевой структуры национальных экономик и т.д. [5, с. 54–61], но и трансформацией, обновлением производственных отношений;

– новизну социальному облику придают целый ряд социальных общностей, групп, появившихся под влиянием экономического развития в его глобальном, региональном и локальном измерениях: быстро выросший слой «белых воротничков» – представителей свободных профессий, технократов в основных отраслях экономики, пересекающаяся с ними т.н. бюрократическая буржуазия, связанная с государственным и смешанным сектором, в т.ч. с участием иностранного капитала;

– особую новизну формирующемуся социальному облику придает переформатирование политического ландшафта – заметная смена традиционных партий и общественных движений, которые на этапе «арабской весны» утратили полностью или в значительной мере свое общественное значение, уступив место новым политическим объединениям. Данный процесс опирается как на происходящий в этих странах «демографический переход» – рост наиболее пассионарной группы, молодежной, развитие всех уровней образования, так и на такие последствия глобализации, как формирование единого информационного пространства, связанный с ним рост политической культуры, волна урбанизации – городской среды, являющейся центром политической активности, и др.;

– отличительной чертой происходящих процессов социально-политического обновления/модернизации является возросшая роль и влияние на формирование общества сложившегося единого информационного пространства, большей свободы в выражении мнения, в утверждении гендерного равенства, в защите прав человека, в конечном счете – в формировании отдельных элементов и структур, институтов гражданского общества. Эти процессы изначально возникли извне, из экономически развитых демократий, но, возникнув, они постепенно «обрастали» локальными особенностями, сложившимися под влиянием специфики исламского общества.

Если согласиться с тем, что глобализация инициирует обновление/модернизацию экономики, социально-политической сферы цивилизационной Периферии и процесс этот в основном необратим (хотя и могут быть нередкие исключения), надо признать, что обретение нового социального облика странами Северной Африки и шире – Арабского Востока, каким бы ни был сложным, противоречивым, своеобраз-

⁷ UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. Algeria. <https://countrymeters.info/ru/Algeria/> (accessed 18.08.2022)

⁸ UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. Egypt. <https://countrymeters.info/ru/Egypt/> (accessed 12.09.2022)

разным в каждой из стран этот процесс, движение, эволюция, трансформация происходят примерно в тех же направлениях, что и в современных развитых государствах на определенном этапе их исторического развития.

Давая обобщающую оценку африканского общества начала XXI в., академик А.М.Васильев определял его как «многомерное», патронажно-клиентельное, сочетающее патриархальные традиционные элементы с современными (см.: [7; 8]). К этой оценке, отражающей наиболее характерные черты также и современного общества стран Северной Африки и шире, можно добавить – архаика постепенно уступает обновлению, неистово и не без (временного) успеха в отдельных важных аспектах сопротивляясь социальной модернизации, порой искривляя и прерывая (временно) цивилизационный прогресс.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Мельянцев В.А., Матионина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е годы). М. 2019. 192 с.
Melyantsev V.A., Matiunina L.H. 2019. Essays of Macroeconomic and Financial Development of the Countries of East and West (1980–2010s). Moscow. 192 p.
2. Модернизация в странах Северной Африки: возможности и препятствия. М. 2022. 160 с.
Modernization in North African Countries: Possibilities and Obstacles. Moscow. 2022. 160 p.
3. Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Формы и направления повышения инклюзивности научно-технологического потенциала в североафриканском регионе. Научно-технологический потенциал современной Африки. М., ИАФР РАН, 2022.
Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. 2022. Building scientific and technological capacity in North African countries and enhancing its inclusiveness. Scientific and technological potential of modern Africa. Pp. 44–50. Moscow. (In Russ.)
4. Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed 31.07.2021)
5. Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Социальная политика. Социальная структура. Рабочий класс: поиск новых векторов дифференциации. *Социологические исследования*. 2018, № 10.
Andreeva U.V., Lukyanova E.L. 2018. Social policy. Social structure. Working class: search for new vectors of differences. *Sociology Studies*. № 18. Pp. 54–61. Moscow. (In Russ.)
6. Ближний Восток и Северная Африка: процессы модернизации и международная безопасность. М., 2016. ИАФР РАН. С. 47–185.
The Middle East and North Africa: the Problem of Modernization and International Security. Moscow. 2016. Pp. 47–185.
7. Васильев А.М. Африка – падчерица глобализации. М. 2003.
Vassiliev A.M. 2003. Africa – stepdaughter of globalization. Moscow. (In Russ.)
8. Васильев А.М. Африка и вызовы XXI века. М. 2012.
Vassiliev A.M. 2012. Africa and Challenges of XXI century. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ткаченко Александр Алексеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром изучения стран Северной Африки и Африканского Рога, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Alexander A. Tkachenko, PhD (Economics), Leading Researcher, Head, Center for North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ткаченко Константин Александрович, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Konstantin A. Tkachenko, PhD (Economics), Researcher, Center for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.02.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.03.2023

Принята к публикации
(Accepted) 21.04.2023